

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

УДК 811'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-132-138

ОТРИЦАНИЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ЛОГИКЕ

Красухин Константин Геннадьевич

доктор филологических наук,
заведующий сектором общей компаративистики
Института языкознания РАН,
125009 Москва, Б. Кисловский переулок, д. 1., стр.1
krasukh@mail.ru

В статье рассматривается языковое выражение отрицания и соответствие ему в логике. Подчёркнуто, что показатели отрицания по происхождению местоименные, указывают на отдалённые от говорящего предметы, внеположные ему. Такие основы могут получить и значение неопределённости. С другой стороны, по общим логическим законам, тотальное отрицание отрицает именно неопределённость как синоним существования. Таким образом, перед нами своеобразный парадокс языка, имеющий, однако, параллели и в других языковых единицах.

Ключевые слова: отрицание, неопределённость, местоимения, лингвистика, логика

1. Отрицание в языке – сложная и многоплановая проблема. Отрицание может касаться единичного предмета, ситуации, положения вещей в целом. Как показывает и поверхностный взгляд, и более углублённое исследование, отрицание оказывается тесно связанным с категорией определённости/ неопределённости. С этим связана двузначность префикса *не-* и, в частности, наречия *некогда*. С другой стороны, в русском языке противостоят друг другу частицы *не* и *ни*. Обе обозначают отрицание, и в качестве самостоятельных слов образуют оппозицию не семантическую, а чисто синтаксическую: *ни* употребляется ограниченно, для усиления *не*: *Ни один пред грозой не трепещет, ни один не свернёт паруса* (Н. Гумилёв, «Капитаны»). Напротив, *не* обозначает отрицание самых различных предметов и ситуаций. Она присоединяется к топикальному члену предложения, отрицая задаваемую им ситуацию. Нарушение этого правила приводит к комическому эффекту: *Вынь руки карманы аус! Не нос тереби!* (Е. Шварц, «Голый король»). Частица же *ни* возможна там, где рема совпадает с грамматическим сказуемым. Она присоединяется к любому члену предложения, связанному со сказуемым, снабжённым отрицанием; *ни* подчёркивает тотальность этого отрицания (*я тебя никогда не забуду; Не скажут ни камень, ни крест, где леги во славу российского флага*, – Е. Студенская, «Варяг»). Для её постановки необходимо, чтобы член предложения либо указывал на неединичную сущность, либо чтобы их было несколько. Именно в этом случае отрицание распространяется не на один объект, а на целый их класс.

1.1. Иное значение префиксов *не-/ни-* в сложных местоименных основах-композициях. Первый иногда придаёт вовсе не отрицательное, а неопределённое значение:

Таблица № 1

	<i>некто</i>	<i>нечто</i>	<i>ничего</i>	<i>негде</i>	<i>некогда</i>
Отрицание	—	—	+	+	+
Неопределённость	+	+	—	— (+)	+

Это возникло благодаря омонимии древнерусских частиц *не* ‘нет’ и *нѣ* ‘примерно, приблизительно, может быть’: *Кораблиць нѣ до пятишды обрѣтъвѣся* (Синодальный патерик XI в., 98) ‘Лодок примерно до пяти обрёл’ (bal(n (j pŕnte gŭroij); *азъ же помыслихъ реки: нѣ вѣдова естъ да бѣдуешѣкѣттворитъ* (Син. пат. XI, 373) ‘Я же подумал, сказав: вероятно, она вдова, поэтому кто-то может причинить ей несчастье’ (elogis(mhn, Ótichr(o(sakatapone(sqaiŔpŔtinĭn). И в языке XII–XVII вв. имеются дубли-ты *негде* ‘нигде’/ *нѣгде* ‘где-то’, *некто* ‘никто’/ *нѣкто* ‘кто-то’, *некогда* ‘нет времени’/ *нѣкогда* ‘когда то’, *неколи/ нѣколис* тем же значением.

Ср: *Вижу, а негде читаю, что богънамъ власть подальдругъ друга осудити* (Lud 87, 1696 г.= *нигде не читаю*) vs. *Та рыба привезена после твоего письма спустя мно-гое время, а знатно, нѣгдѣ ее теплынь позахватила* (Грамотки 23, 1665 г. = *где-то захватила*)

Ты... бездѣльеговориши и пишеши, некто тебя пытается (Иван Грозный королю Швеции, 1573) vs. *И нѣктоотъпредстоящихъ вѣлѣмнѣ той крест поцеловати* (Пу-стоз. сб. 236 XVII в.)

Такое ружье въ той ценѣ в твою, великого государя, казну некогда никто не ста-вилъ (Гебд. 69, 1661) vs. *Нѣкогда бо имѣхъ диакона... любима вълаврѣ* (Син. пат. 359, XI в.)

1.1.1. Кроме того, в фольклоре и древнерусском языке имеется частица *не*, обо-значающая сравнение: ‘чем, как’ *Нам, тебѣ и мнѣ, преже<е>не дватцат<ь> четыре часа минутца, умерет<ь> будет* (Куранты, 104, 1628) ‘Нам, тебе и мне, прежде чем минет двадцать четыре часа, придѣтся умереть’. Она, подобно многим частицам, мог-ла присоединять к себе группы других частиц: *нежели*. Ср. ещё песенные зачины: *Что не пыль в полѣ подымается... Не туманъ сизый съраздолу подымается* (В.И. Даль)

1.1.2 Можно отметить также *некий, некоторый*, не имеющие параллелей в компо-зитах с *ни*. Таким образом, можно утверждать, что в русском языке частица *не* имела, по крайней мере, два значения: отрицания и сравнительности. После слияния фонем /e/ и /ѣ/ появилось и значение неопределѣнности. Таким образом, проблему можно сформулировать так: 1) общее ли происхождение у этих частиц, и почему в образова-нии неопределѣнных местоимений приняла участие частица *не*.

1.2 Сравнительная и отрицательная частицы, безусловно, суть одно и то же. Их соотношение напоминает аналогичные партикулы того же происхождения в древне-индийском: *na* ‘не’ и ‘как’. При сказуемом эта частица обозначает только отрицание: *sātūāvanāinamaśnotiaṃhatīr* (RigVeda I 94, 2) ‘Он силѣн, он не впадает в нужду’. Если же частица стоит после имени и к нему относится, она выражает сравнение: *ṛṣidviṣe... iṣumnāśjatatdviṣam* (RigVeda I 39, 10) ‘Против врага певцов пустите, как стрелу, нена-висть’. Таким образом, отрицание и сравнение оказываются связанными между собой: «А не В» → «А имеет сходство с В, не будучи им». Что же касается неопределѣнной частицы, то М. Фасмер ссылается на старое мнение, согласно которому неопределѣн-ное *нѣ* происходит из **nevĕ(dĕ)* ‘не знает’, справедливо подчѣркивая его неубедитель-ность. Перед нами, вне всякого сомнения, обычная частица **nĕ*, представленная в лат. *nĕ-ve*, гот. *nĕ*, др.-инд. *nā*, др.-ирл. *ní*, греч. *nh-*. Проблема, однако, в том, что именно в славянских языках частица с долготой стала обозначать неопределѣнность; ср. так-же лит. *kāsnĕkās* ‘кто-то’ (дословно ‘кто не/ни кто’) при простом негативном *nĕ*. О.Н. Трубочѣв полагает, что это вторичная «аффективная» долгота. Если отождествление

славянской и литовской частиц справедливо, то мы должны восстановить в частице с долгой гласной: **neh₁-* (отразившийся в литовском как акут, с сокращением конечного слога по закону Лескина). Что же касается частицы *ни*, то она, подобно лит. *neĩ* ‘ни’, лат. *nī* ‘чтобы не’, происходит из сочетания **neei*. Как вполне аргументированно полагал О.Н. Трубачёв, **neei* представляет собой инверсию сочетания **eine* (>*и не*), с чем и связано усиленное значение частицы *ни*.

2. Остановимся на происхождении этой частицы. Она широко представлена в большинстве индоевропейских языков: лат. *ne, non*, гот. *na* (др.-англ. др.-в.-нем. *ne*, англ. *not*), др.-инд. *na*, хетт. *natta*. Её сравнивают с указательным местоимением [Persson 1893; Brugmann 1904] – третьим членом системы индоевропейских указательных местоимений – т.наз. **sātānā*, где первая основа указывает на местоимение, ближе к говорящему, вторая – к слушающему, третья – на предмет, отдалённый от участников диалога. Местоимение **ne-/no-*, вариант **eno-/ono-* представлено так: греч. *ke*(*noj*<*ke-enoj*, (*nh* ‘последний день месяца’; слав. *онь*(с весьма характерным значением в сочетаниях *оньъсвѣтъ*, *оньпольрѣки*, где оно указывает на отдаление от реальности); лит. *ānas* ‘он’, *anà* ‘она’; хетт. *annis* ‘этот’. Более подробно (с литературой) набор указательных местоимений описан в [Красухин 1992; 2004:]. Другие местоименные основы, превратившиеся в выразителя отрицания, тоже могли обозначать отдаление: греч. *οὐ* ‘не’ может быть сравнено с др.-инд. *as-au* ‘тот’, возможно, и с латинской приставкой удаления (*au-ferre* ‘относить’). Возможно, сюда же относятся и древнерусско-церковнославянская приставка *оу-*: *оубогъ* ‘бедный’ (= лишенный бога, т.е. блага, богатства), *оувѣкъ* ‘слабость, увечь’ (= отсутствие силы). Хеттское модальное отрицание *lē* ‘да не’ можно сравнить с лат. *ille* ‘тот’, *olim* ‘когда-то’, с русским диалектным *лони(сь)* ‘в прошлом году’. От этого корня образовано и неопределённое *eullus* ‘некий’. Таким образом, можно предположить семантический процесс, претендующий на то, чтобы стать фреквенталией (в понимании Б.А. Серебrenникова [Серебrenников 1974]): Отдалённость → Неопределённость → Отрицание. Что касается элемента **-h₁*, наличествующем в о.-слав. **ně*, литовском *nė*, то можно высказать гипотезу о его тождестве с флексией индоевропейского инструментала (лат. *lupō*, авест. *vahrkā* ‘волком’ < **u₁lk^ho-h₁*). Творительный падеж нередко образует наречия, обозначающие включение в определённый пространственный или временной фрагмент мира: *путём*, *весной*. И частица **nē/neh₁* означала «там, вдалеке» (с дальнейшим развитием значений).

2.1 Неопределённые местоимения состоят из ударной частицы и безударной формы вопросительного местоимения. Это тоже находит параллели: в древнегреческом, как и во многих других индоевропейских языках, одно и то же местоимение под ударением является вопросительным, без ударения — относительным: *t...j* ‘кто?’ vs. *tij*: ‘кто-то, какой-то’ (*t...j d* (b...oj; “что за жизнь?” vs. (nqwpōj) *tij* “некий человек”).

2.1.1 Неопределённые местоимения образовывались также при присоединении к основе относительного местоимения (этих безударных местоимений: *ōj* ‘который’ vs. *ōstij*: ‘всякий, кто’. Определённо-относительное местоимение противостояло неопределённо-относительному (общеотносительному) местоимению. Аналогично соотносятся *poā* ‘где?’ — *poou* ‘где-то’ ((*pou*); *pōteroj* ‘который?’ — (*pōteroj* ‘какой-то’; *pōte* ‘где?’ — *ōpote* ‘где-то’ ((*potš*). Отрицательные же местоимения представляют собой соединение негативных частиц с энклитиками вопросительных: *o(tij, m(tij* ‘никто’ (со строгим совпадением во внутренней форме с русским *никто*, древнерусским *некто*).

2.2 В латинском языке тоже существует оппозиция ударных вопросительных местоимений и безударных неопределённых и общерелятивных, занимавших в синтагме 2-е место (по закону Вакернагеля). С отрицательной частицей такое местоимение становилось общеотрицательным: *quis* ‘кто?’ vs. *nequis* ‘никто’ (*caveant consules, nequid detrimere republica capiat* “пусть консулы обеспокоятся, чтобы республика не понесла какого-нибудь (никакого) ущерба”).

2.2.1. Как и в греческом, латинские неопределённые местоимения содержат энклитические вопросительные: *quisquis, quidam, aliquis; umquam* < **k^uum-*. Иная основа – *ullus* < *ol-nos, происходящее из дальнего местоимения (см. выше). Отрицание с такой энклитикой носит общий характер: *nequis, numquam, nullus*. Частное же отрицание передаётся местоимением *neuter* ‘ни тот, ни другой’, образованного от *uter* ‘один из двух’ (**k^u-tero*). Все эти этимологии свидетельствуют о том, что общее отрицание отрицает неопределённость, а частное – конкретный факт. Латинские и греческие местоимения по внутренней форме напоминают немецкое *irgend* ‘только, как-нибудь’ (< **ies-k^uem*). Его отрицание выражено частицей *ne: *nirgend*.

2.3. В ряде европейских языков в качестве маркера неопределённости используется имя «человек», которое становится подлежащим неопределённо-личных предложений: лат. *homodicit* ‘говорят’. Возможно, под влиянием латинского сформировались германские показатели: нем. *man; jemand* “кто-то, некто” < *ie-man, отрицание – *niemand*. Второй элемент композита *-man* функционально уподобился корню **k^u-*: он переводит всю основу в разряд неопределённых. В древнеанглийском то же имя выполняет сходные функции: *mansealde = onesold*. Развитие *one* как неопределённо-личного показателя произошло под влиянием французского: лат. *homolegit* ‘читают’ > франц. *onlit; on + one* (др.-англ. *ān*) > новое *one*.

3. Итак, важнейшей частью общего отрицания оказалась неопределённость. С этим связано участие в отрицательных формах числительного «один», которое тоже может обозначать неопределённую субстанцию: лат. *non* < *no-oinom = нем. *nein* < **ne-ain-* = др.-англ. *nān* < *ne-ān (>*none*). Потенциально это числительное существует и в упоминавшемся *ni* < *ne-ei. Местоименный корень **ei-/oi-* вместе с формантами *-k-*, *-v-*, *-n-* и образует данное числительное: **ei-k-* > др.-инд. *eká-*; **ei-v-* > греч. *ο(ᾱ)ι*, авест. *aewo*, др.-перс. *aiva-*; **ei-n-* > греч. *ο(η)ι*, лат. *unus*, ст.-лат. *oinos*, гот. *ains, слав. *инь*). Отрицаемое существование может выражаться и маркерами экзистенции (именными и глагольными): *несть* < *не-есть; нем. *nicht* < *ne-wicht < **ne-uek^uti* (ср. слав. *вещь*).

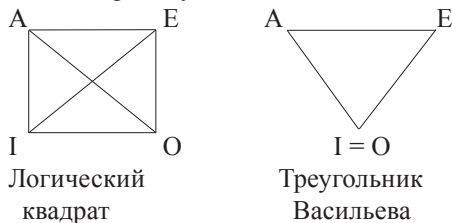
3.1. Таким образом, общая негация – это отрицание неопределённости, т.к. неопределённость обозначает существование предмета. Это соотношение находит прямые параллели в логике, где квантор существования утверждает наличие хотя бы одного предмета, входящего в класс, а его отрицание – пустоту класса:

$$((\sim 0; \sim((0; \sim((((\& (); (((\sim(\& \sim 0).$$

(– квантор существования, (– квантор общности, (– йота-оператор, показатель определённости (– равнозначно, ~ – отрицание):

Особенность языкового выражения отрицания, как мы убедились, заключается в том, что истоки его и существования могут быть тождественными. Это общая черта местоимений, обозначающих экзистенцию: они могут указывать и на какую-либо сущность, и на противостоящую ей субстанцию: др.-русск. *инь* ‘один’ – *иной*.

4. Напоследок кратко очертим специфику отрицания в классической логике и неклассической логике Н.А. Васильева [Васильев 1989]. Вместо классического логического квадрата суждений Н.А. Васильев предлагает треугольник:

А – общеутвердительные суждения,
 Е – общеотрицательные,
 I – частноутвердительные,
 О – частноотрицательные.

4.1 В двузначной логике соотношение высказываний таково: 1. А–Е – контрарность (суждения могут быть одновременно ложными, но не могут быть одновременно истинными); А–О, Е–I – контрадикторность (суждения не могут быть одновременно ни истинными, ни ложными), I–О – субконтрарность (суждения могут быть одновременно истинными, не могут быть одновременно ложными), А–I, Е–О – подчинение (если истинно общее суждение, то истинно и частное; истинность частного суждения оставляет открытым вопрос об общем). Иными словами, полностью отрицают друг друга только общие и частные суждения разных модусов; общее отрицание противоречит не общему, а именно частному утверждению. Именно поэтому в языке общее отрицание образовано от слов, указывающих на неопределённость.

4.2 По Н.А. Васильеву, логический квадрат подразумевает следующую трактовку частных суждений: Некоторые S суть P = «Некоторые, а может быть, все...». Иная трактовка: «Только некоторые...» В этом случае частноутвердительные суждения не субконтрарны, а синонимичны частноотрицательным («Только некоторые S суть P» = «Некоторые S не суть P»). Отношения всех модусов выглядят так: А–Е; А– (I = O); Е– (I = O) – контрарность. Возможный мир логического квадрата содержит неполное знание; в нём остаётся место неопределённости, и полное отрицание противоречит прежде всего неопределённости. В мире треугольника Васильева господствует полное знание; в нём нет места неопределённости и, следовательно, противоречиям. Отрицаются всегда определённые суждения. Васильев также построил и гипотетическую логику без отрицания. Отрицание возможно только там, где может иметь место ошибка. В мире безошибочных суждений возможно только утверждение. Это, очевидно, «божественная логика». Отрицание же всегда – плод анализа и сомнения. Язык допускает неопределённость, в т.ч. и «некоторые, а может быть и все». Поэтому он соответствует модусам прежде всего классической аристотелевой логики (ср. [Бенвенист 1974]).

Литература

- Бенвенист Э. Категории языка и категории мышления // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 62–75.
- Васильев Н.А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. 232 с.
- Красухин К.Г. Дейктические элементы в категориях глагольного времени и наклонения// Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис/ отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 386–400.
- Красухин К.Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М.: Языки славянской культуры, 2004. 452 с.
- Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. С. 352.
- Трубачёв О.Н. (отв. ред.) Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1997. Вып. 24.
- Трубачёв О.Н. (отв. ред.) Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1999. Вып. 25.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. Т. III.
- Brugmann, K. (1904). Die Demonstrativa der indogermanischen Sprachen. Leipzig: Teubner, 52 p.
- Dunkel, G. (2014). Lexikon der indogermanischen Partikeln. Heidelberg: Carl Winter, 504 p.
- Persson, P. Über den demonstrative Pronominalstamm *no-/ne-* und Verwandtes // Indogermanische Forschungen, 1893, Bd. II. S. 123–170.

NEGATION AND INDEFINITENESS IN LANGUAGE AND LOGIC

Konstantin G. Krasukhin

Doctor of Philology

Head of department of Comparative Linguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

125009, 1/1 Bolshoi Kislovskij pereulok, Moscow, Russia

krasukh@mail.ru

Author treats the language expression of negation and its correspondence in logic. One must assert that the negative markers are originated from pronouns meaning the remoteness from speaker, treating the alien world for him. Such stems can also denote the indefiniteness. On the other side, according the laws of logic, the general negation denies especially the indefiniteness, as an existence. Here there is a linguistic paradox, known also in some other language units.

Keywords: negation, indefiniteness, pronouns, linguistics, logic

References

- Benveniste É. Kategorii jazyka i kategorii myshlenija [Categories of language and categories of thinking] // Obshhaja lingvistika [General linguistics]. М.: Progress, 1974. S. 62–75. (in Russian).

Vasil'ev N.A. Voobrazhaemaja logika [Imaginary logic]. M.: Nauka, 1989. 232 s. (in Russian).

Krasukhin K.G. Dejkticheskie elementy v kategorijah glagol'nogo vremeni i naklonenija [Deictic elements in the categories of tense and mode] // Chelovecheskij faktor v jazyke: Kommunikacija. Modal'nost'. Dejksis [Human factor in language: Communication. Modality. Deixis] / Ed. T. Bulygina. M.: Nauka, 1992, S. 386–400. (in Russian).

Krasukhin K.G. Aspekty indoevropskoj rekonstrukcii: Akcentologija. Morfologija. Sintaksis [Aspects of Indo-European reconstruction: Accentuation. Morphology. Syntax]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 452 s. (in Russian).

Serebrennikov B.A. Verojatnostnye obosnovanija v komparativistike [Probabilistic foundations in comparative linguistics]. M.: Nauka, 1974. 352 s. (in Russian).

Trubačev O.N. (ed.) Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. M.: Nauka, 1997, v. 24. (in Russian).

Trubačev O.N. (ed.) Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. M.: Nauka, 1999, v. 25. (in Russian).

Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of Russian language]. M.: Russkij jazyk, 1986. V. III.

Brugmann, K. (1904). Die Demonstrativa der indogermanischen Sprachen. Leipzig: Teubner. 52 p.

Dunkel, G. (2014). Lexikon der indogermanischen Partikeln. Heidelberg: Carl Winter, 504 p.

Persson, P. (1893). Über den demonstrative Pronominalstamm *no-/ne-* und Verwandtes // Indogermanische Forschungen, Bd. II. p. 123–170.